

Л.Г.Мощенская

У ИСТОКОВ НАРОДНОГО СЛОВА: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА СКАЗКИ “КУРОЧКА РЯБА”

Курочка ряба едва ли не первый художественный текст, с которым многочисленные поколения детей начинают усваивать язык и создавать представление о гармонии мира. При всей своей доступности простоте эта сказка остается во многом загадочной: в ней в свернутом виде представлена далеко не простая информация, которую старались раскрыть взрослые умы, работающие в разных областях знаний. Сложность декодирования текста объясняется его двойственностью, т.к. он занимает промежуточное положение между мифом и сказкой. Отличие мифа от сказки заключается в том, что в нем описываются космические события, происхождение разных элементов мироустройства, в сказке основное внимание уделяется бытовым, семейным отношениям. В «Курочке рябе» (далее сокр. КР) изображаются космические события и бытовые ситуации.

В сказке отражен глубинный слой мифопоэтических представлений, древняя космогоническая модель мира. Согласно представлениям, существовавшим в традиционной культуре многих народов, Вселенная состояла из трех миров: Верхнего (небес), Среднего (земли) и Нижнего (преисподней). Верхний мир населяли небожители, покровительствующие людям и воплощающие в себе доброе начало. Нижний мир рисовался древним сумрачной, пустынной страной с тусклым солнцем и луной, населенный враждебными жителям Среднего мира чудовищами. Средоточием Вселенной являлся Средний мир – место обитания людей и духов-хозяев природы. Он виделся широкой, вольготной и изобильной страной, окруженной морями и являющейся «изначальной родиной» многих народов(1). В КР представлена полная мифологическая картина мира: среднюю часть(землю) воплощают дед, баба и курочка ряба, нижнюю -- мышка, верхнюю -- золотое космическое яйцо. Более того, в сказке отражен сам процесс мироздания -- создание звездного неба. Творцами этого объекта являются абвивалентные существа – курочка ряба и мышка, несущие в себе положительное и отрицательное начало. Курочка, как мать космического яйца, является носителем доброго начала, но рябая, пестрая окраска в мифопоэтическом сознании всегда характеризовала существа, относящиеся к темным силам, следовательно, и курочка ряба имеет двойственную суть, которая в сказке реализуется в положительном ракурсе. Двойственное начало несет в себе и мышка. Как существо Нижнего мира она враждебна людям, но в то же время она может быть и их помощницей

(вспомним сказку «Репка»). Таким образом, мощной созидательной или разрушительной энергией обладают существа двойственного характера: противоречие является исходным моментом динамического процесса, движения. В зависимости от точки зрения исследователей, от выбора ими положительной или отрицательной оценки абивалентных героев сказки (мышки и курочки), картина мира реализуется в двух вариантах мировидения: положительном, созидательном (этот вариант – создание звездного неба -- рассмотрен выше) и отрицательном, разрушительном. Так, В.И.Коваль увидел в сказке апокалипсис, а не акт творения. Золотое яйцо символизирует мир, который сокрушали дед и баба, помогло им в этом хтоническое существо, мышка; наступает крушение мироздания, сопровождаемое криком и плачем (дед и баба плачут, курочка кудахчет). Нам представляется более правильным первый вариант объяснения мифологического содержания сказки, т. к. ее композиция и семантическая структура отражает целостную, гармоничную картину мироздания. Космический и социальный – порядок в сказке поддерживается выходом из драматической ситуации и «гармонизацией взаимоотношений социальной группы и природного окружения»(2). Герои сказки сохраняют единство: курочка-дарительница снесла деду и бабе яйцо, мышка-помощница помогла разбить его. Так в сказке отражается осознание того, что человек и природа должны представлять собой единое целое и в этой общей упорядоченности заключается главное условие для нормального развития всего человечества.

Структура КР представляет собой квадрат, который сохраняет всю семантику круга (в архаических представлениях круг и квадрат символизировали солнце). Люди и «животные» образуют уравновешенную композицию: дед, баба – курочка ряба, мышка, таким образом, в сказке сохраняется симметрия как « как один из законов народного искусства»(3).

Бытовой аспект сказки раскрывается во взаимоотношениях ее героев: деда, бабы, курочки и мышки. Психологи, художники слова видели в «Курочке рябе» этическое начало. Д.Н.Кавтарадзе приводит «удивительное объяснение» сказки Б.Заходера: « Эта сказка о человеческом счастье (любви). Счастье – это золотое яйцо – люди бьют его и так и эдак, а пробежала мышка, хвостиком махнула...» -- и соглашается с этим объяснением: «Попробуйте рассказать счастье и о легкости его утраты как-то понятнее, образнее, целостнее... Каждый понимает, что сказка об этом»(4). Вряд ли можно согласиться с таким вариантом объяснения содержания сказки. И вот почему.

На первый взгляд сказка имеет внутреннюю противоречивость, нарушение логики поведения деда и бабы: они упорно, сменяя друг друга, разбивали яйцо, а когда мышка помогла им разбить яйцо, стали дружно плакать. Ответ на вопрос «Почему плакали дед и баба над разбитым яйцом?» и поможет глубже проникнуть в содержание сказки и снять кажущийся алогизм. В КР на семантическом уровне представлены идеальные семейные отношения: дед и баба дружно выполняют одну и ту же работу, причем баба является помощницей деда и включается в действие после него. Сам процесс для деда и бабы характеризуется одной длительностью и интенсивностью (бил-бил, била-била). Дед и баба едины не только в своей «производственной» деятельности, но и в душевном переживании одного и того же события (дед и баба плачут). Не семейное счастье разбивали дед и баба; в разрушении семейных отношений отсутствует симметрия в интенсивности, длительности процесса, в эмоциональном состоянии членов семейной пары: один из них занимает более активную позицию, другой – более пассивную, оказывая сопротивление распаду семьи. В сказке дед и баба одиноки, у них отсутствует продолжение жизни. В тексте особую значимость приобретает возвратное местоимение *себе*, которое замыкает действие на самом субъекте: жили *себе* дед и баба, т.е. жили они для *себя*. Можно предположить, что дед и баба старались разбить необычайное золотое яйцо в надежде получить новое развитие жизни – внука или внучку. В разных традиционных культурах яйцо символизирует потенциальную жизнь, в космологическом учении индусов из расколотого космического яйца на свет появляется божественное существо, олицетворяющее собою антропоморфную жизненную силу; из золотого яйца выходит Брахма(5). Исходя из символики яйца, понятно, почему дед и баба упорно разбивали золотое яйцо и заплакали, когда в разбитом яйце не обнаружили новой жизни. Алогизм текста полностью снимается: эмоциональное поведение деда и бабы получает свою логическую завершенность. Обещание курочки снести новое яйцо (простое) на семантическом уровне символизирует восстановление целостной, гармонической картины мира: начало и конец сказки получает завершенность круга (целое яйцо – разбитое яйцо – целое яйцо).

КР обладает не только разноуровневым глубинным смыслом (мифологическим и сказочно-бытовым) , который по-разному раскрывается адресату в соответствии с его жизненным и интеллектуальным опытом, но и богатством художественных средств. Исследователи неоднократно отмечали « замечательную поэтическую художественность » мифологических и фольклорных текстов, причем образно-выразительный арсенал первоначально был

выработан в мифологии и далее был заимствован фольклором(6). Художественные приемы создания образов и текстовой выразительности остались «неуничжимыми» на протяжении веков и составили «генетический код» всей литературы(7).

В поэтической системе КР широкий спектр общих и специальных средств изобразительности (конкретизации обобщенного понятия, способной вызывать представление о единичном предмете) и выразительности (особой организации текста, привлекающей и удерживающей внимание читателя; проявления в тексте и слове эмоционального переживания автора), при этом наличествует явный перевес выразительности над изобразительностью. Кажущаяся простота, доступность сюжетной линии сказки компенсируется сложным комплексом выразительных средств, создающих магию текста:

1. В КР отсутствует конкретизация ситуации (где, когда и какие жили дед и баба, на чем они разбивали золотое яйцо и пр.). Общие внешние (контекстуальные) изобразительные приемы представлены в виде атрибутизации (*яичко простое, золотое; курочка ряба*) и предикации, то есть через действия героев сказки (*дед бил, не разбил; баба била, не разбила; дед, баба плачут; курочка снесла, кудахчет* и др.).

2.Общее внутрисловное изобразительное средство, представленное уменьшительными (деминутивными) суффиксами, является одновременно и общим выразительным средством: в словах *курочка, яичко, мышка, хвостик* все предметы характеризуются по величине и имеют положительную экспрессивную оценку.

3. Специальное средство изобразительности, конкретизации действия представлено повтором глагола *бить* в одной и той же форме, который развивает у глагола новый оттенок значения «длительность действия», что усиливает изобразительный полюс сказки: *бил, бил* – это «долго бил» или «очень долго бил»; *била, била* – это «долго била» или «очень долго била».

4. Специальные выразительные средства представлены в КР широким спектром: метонимия – перенос по смежности: *золотое яичко*, то есть яйцо, сделанное из *золота*; оноματοпея - звукоподражательное слово или словосочетание, которое воспроизводит какой-нибудь реальный звук или шум: *курочка кудахчет*; звуковой повтор -- повтор гласных, сконцентрированных в микроконтексте, чтобы производить определенны стилистический эффект: повтор гласного *и* в словах *бить, разбить*, гласного *у* в словах *курочка, кудахчет* (ассонанс); повтор согласных звуков в микроконтексте, например, звука *б* в словах *бить, разбить*

(аллитерация) и др.; полиплот – употребление в микроконтексте слова в разных грамматических формах: *бил, била; не разбил, не разбила, разбилось; снесла, снесу, плачут, не плачь*; гомеотелевт – соединение в пределах одной фразы в непосредственной близости слов с одинаковым окончанием: *бил, бил, не разбил; била, била, не разбила; бежала, махнула; упало, разбилось*; деривационный – словообразовательный повтор, усиливающий семантику слова: *бил, разбил*; синтаксический параллелизм (повтор) – одинаковое расположение сходных членов предложения в двух или нескольких смежных предложениях: *дед бил, бил – не разбил; баба била, била – не разбила; снесла курочка яичко, не простое -- золотое; снесу вам яичко, не золотое – простое*, причем в последней паре примеров отражен обратный параллелизм в симметричных частях фраз, то есть хиазм: *не простое – золотое, не золотое – простое*; асиндетон – соединение цепочки однородных членов предложения без помощи предлогов или несколько простых предложений в составе сложного без помощи союзов: *Дед бил, бил -- не разбил; баба била, била – не разбила. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось*; повтор словесный – повтор слова без изменения его звукового состава, лексический повтор: *курочка(4), дед(4), баба(4), яичко(3), ряба(2), простое(2), золотое(2)*, причем с учетом разных вариантов повторов «повторяемость» слов в сказке достигает 80%, что свидетельствует о мощной спаянности составляющих элементов сказки друг с другом. Кроме того, следует отметить контраст (антифразис), на котором строится вся текстовая организация сказки: *яичко не простое – золотое, не золотое – простое* (пример антитезы-акротезы, в которой усиливается значимость второго члена противопоставления: *не простое, а золотое; не золотое, а простое*), *бил, бил – не разбил, била, била – не разбила; мышка хвостиком махнула – разбила*.

Композиционные фрагменты сказки совмещают признаки текстообразования и коммуникативной единицы. Структурно-семантическую основу композиционных фрагментов сказки образует глагольный ряд, включающий в себя 7 компонентов:

1. глаголы бытийной семантики: *жили-были, была*;
2. глагол сопутствующей каузации, причины: *снесла*;
3. глагол восприятия, который в тексте элиминирован, но из ситуации сказки может быть восстановлен, потому что дед и баба, прежде чем стали разбивать яйцо, увидели, что оно золотое;
4. акциональные глаголы, глаголы действия: *бил, бил; била, била; не разбил, не разбила; махнула, разбилось*;
5. глагол эмоционального состояния: *плачут, не плачь*,

6. глагол интеллектуальной деятельности также элиминирован в тексте, но легко восстанавливается из ситуации, из логической последовательности развития сюжетной линии сказки: курочка сначала подумала о том, как успокоить деда и бабу, а затем и успокоила обещанием снести новое яйцо;

7. глагол речи: *кудахчет*.

Эта семантическая глагольная парадигма сказки является типической для народной русской песни, более того, она является инвариантной (обобщенной) моделью народной песни, которую Е.Б.Артеменко приводит как основную(8). Единство структурно-семантической модели КР и русской народной песни позволяет сделать предположение о том, что смысловая структура КР, как более древнего текста, стала исходным моментом развития песни, то есть, выражаясь фигурально, русская народная песня выросла из «Курочки рябы». Связывает сказку с русской народной песней не только парадигма текстообразующих глаголов, но и ритмика. По своей ритмической организации КР представляет сложную речевую форму, в которой сочетание разных типов ритмических повторов создает причудливый рисунок, отчетливо противопоставленный прозаическому тексту, нерифмованные фрагменты не могут прервать ритмического движения, именно поэтому дети в самом раннем возрасте запоминают ее и помнят всю жизнь, рассказывая в дальнейшем своим детям и внукам. По существу в КР заложен весь генетический код тонической системы стихосложения: в ней представлены все ее ритмические разновидности:

1. хорей: *жили-были себе дед и баба; дед бил, бил* (хорей со спондеем – пропуском безударного слога в хорейческой стопе); *баба била, била; дед и баба плачут*;

2. ямб: *у них, снесла, несу*;

3. анапест: *не простое – золотое; не разбил, не разбила, и разбилось; не золотое – простое*;

4. амфибрахий: *яичко упало; снесу вам яичко*;

5. дактиль: *курочка, хвостиком*

О том, что в одной русской народной песне могут использоваться несколько ритмических размеров писал еще в сер. 18 в. В. К.Третьяковский.

Таким образом, «Курочка ряба», на первый взгляд, незамысловатая сказка, с которой дети входят в мир художественного слова, относится к высочайшему образцу народного творчества, она сохраняет блеск неподдельной поэзии, народное мировосприятие, в ней в гармоническое целое сливается смысл, структура, изобразительно-выразительные средства, она послужила, возможно, исходным моментом для развития

семантической структуры русской народной песни и тонической системы стихосложения.

1. Батороева М.К. Экологическая культура и фольклор //История, филология и философия. Известия СО РАН. 1993, №3. – С. 20.
2. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика //Фольклор. Поэтическая система. –М., 1977. – С. 26.
3. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М., 1958. –С. 538.
4. Кавтарадзе Д.Н. Человек в мире игры //Мир. Психология. – 1998, №4. – С. 34.
- 5.. Жюльен Н. Словарь символов. – Челябинск, 1999. – С.493 – 494.
6. Мелетинский Е.М. Указ. раб. – С. 23.
7. Кедров К. Звездная книга //Новый мир, 1992, №5 –С.241.
- 8 Артеменко Е.Б. Народнопесенное образование //Фольклор. Поэтическая система. –М., 1977. –С. 69, 70.